

В гармонии с самим собой

Марк Перетоккин — всегда выдержанный, хладнокровный, элегантный, внешне малодоступный и закрытый, а при более близком знакомстве — мягкий и чрезвычайно легкий в общении человек. На первый взгляд, у него благополучная балетная карьера, без каких-либо потрясений и скачков. И вдруг, практически на излете, когда большинство танцовщиков подумывают о смене рода деятельности, — метаморфоза в творчестве, открывшая второе дыхание. Именно об этих перипетиях судьбы мы беседовали с Марком, хотя получилось не интервью, а, скорее, монолог.

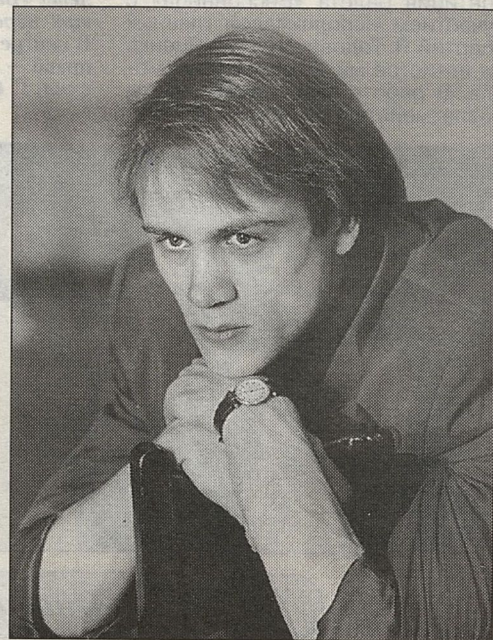
— У каждого человека в жизни бывают разные периоды. И как показывает мой жизненный и актерский опыт, те, что упираются в одно направление в творчестве, могут быстро взлететь, но так же быстро и сойти с пьедестала. Зрители все время ждут чего-то нового, а ты не можешь им этого дать. Из-за травмы мне пришлось очень многое пересмотреть в своей жизни и творчестве, я вообще поначалу не был уверен в том, что снова смогу танцевать. Когда же все-таки потихоньку стал возвращать форму, появились другие проблемы — нужно было подумать о другом репертуаре. Я вовремя сообразил, что, если ориентироваться только на театр, как при Ю. Н. Григоровиче, быстро сойдешь со сцены. Раньше я танцевал по пять-шесть спектаклей в месяц, а сейчас — в лучшем случае один. Только классом поддерживать хорошую форму невозможно. Чем больше выходишь на сцену, тем лучше. У меня даже были мысли о смене профессии.

Однако вместо этого я решил попробовать поменять свой творческий имидж. В Большом театре мы раньше были ориентированы в основном на хореографию Григоровича и не обращали внимания

на иные современные хореографические стили и постановки. А сейчас такое время, когда танцовщики все больше и больше обращаются к современному искусству. Появилось много молодых, талантливых балетмейстеров, например, тот же Ратманский. Постепенно я стал набирать новый репертуар, общаться с молодыми хореографами. В этом плане мне очень помогла Илзе Лиепа, она-то уже очень давно творчески невестребована в нашем театре. У нее были наработанные связи, сложившийся танцевальный стиль. Глядя на нее, я и сам занялся возобновлением старых знакомств в плане гастролей, поиском новых выходов. Постепенно начал ездить не только за рубеж, но и по стране. Видели бы вы, с каким удовольствием в провинции люди ходят в театр, какая там потрясающая тяга к классическому искусству. Получая нищенскую зарплату, они готовы потратить последние деньги, чтобы пойти на балет.

— Какой репертуар вы показываете на гастролях?

— Разный. Интереснее говорить о том новом, что я танцую. Например, на нас с Илзе были поставлены одноактные балеты «Мадам Бовари» и «Федра». Я очень рад, что с Настей Волочковой мы, наконец, станцевали па де де из «Фрагментов одной биографии». Если честно, я с большим удовольствием станцевал бы весь спектакль. Не могу понять, почему Владимир Викторович не хочет восстановить балет, он бы замечательно смотрелся.

— Вы репетировали с В. Васильевым?

— Я впервые столкнулся с Владимиром Викторовичем непосредственно в работе, было и интересно, и трудно. Мне постоянно приходилось бороться со своей актерской природой, иногда даже переламаывая себя, поскольку как творческий индивидум уже давно сформировался. Владимир Викторович — сам великий танцовщик, хотел, чтобы я танцевал так, как он. Васильев ставит каждую партию как бы на себя. Он видит себя в каждой роли. Может быть, именно поэтому ему трудно работать с опытными артистами.

Найти свое направление мне во многом помог спектакль «Последнее танго». Его много ругали, но

(Окончание на 4-й стр.)

В гармонии с самим собой

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

для меня это был значительный творческий этап. Мне жаль, что этот спектакль ушел. За пятнадцать лет работы в Большом театре это был первый спектакль, который ставили именно на меня, мою актерскую природу. Было ощущение, что у меня появился ребенок. А с ребенком расставаться очень тяжело. Образуется пустота. Сейчас многих спектаклей, о которых вспоминаешь с огромным удовольствием, нет в репертуаре.

На мой взгляд, у нас в театре должна быть несколько иная репертуарная политика. Нельзя снимать все, сделанное раньше, и начинать с нуля. У нас ведь было свое лицо и спектакли, которые шли только в Большом театре. Мы постепенно теряем свой почерк и стиль. Но жизнь, в конечном итоге, все поставит на свои места. К большому сожалению, мы не умеем ценить окружающих нас талантливых людей. Не умеем отбрасывать творческие разногласия. Будучи в разъездах, я стал много размышлять, многое пересмысливать в своей жизни, часто общаться с журналистами. На вопросы о Большом театре отвечаю, что мы находимся в творческом поиске. И дай Бог, чтобы все у нас получилось и чтобы Большой

театр восстановил свое бывшее реноме. Конечно, звезды, подобные Васильеву, Лиёпе, Максимовой и другим выдающимся мастерам, засияют не в наше время. Но и на своем танцевальном веку хотелось бы многое сделать, а не тратить время на ненужные ссоры и споры, ведь у нас такой короткий век. На деле же приходится постоянно доказывать, что ты еще на что-то способен...

Сейчас я понял, что значит быть свободным художником. Когда оценивают только твою индивидуальное творчество, не труппу, не партнеров, а именно тебя. На сольных гастролях очень выкладываешься, здесь совершенно иная ответственность. Не за кого спрятаться. От того, насколько успешно пройдут выступления, зависит будущее — пригласят еще раз или нет. Когда все получается, ощущения совершенно потрясающие. Чувствуешь, что этот успех твой и только твой. Может быть, это эгоизм?

— На самом деле это — здоровое тщеславие, обязательное для любого настоящего артиста.

— Возможно, вы правы. Но, когда после успешных гастролей возвращаешься в театр, наступает отрезвление. Тут тебя отодвигают в сторону. Поэтому стараешься чаще выезжать, тогда подобная ситуация воспринимается легче. Сейчас для меня важно, чтобы было как можно больше приглашений. Главное — я хочу танцевать и еще мечтаю о новых постановках. Из-за того, что очень много выездов, приходится за три-четыре дня выучивать новый номер. Раньше на подготовку уходило гораздо больше времени, я долго продумывал и анализировал каждую позу. А сейчас подготовительный период спрессован, это оказалось очень по-

лезно — быстро приготовить, быстро сосредоточиться, осознать, а потом мгновенно выплеснуть все. И от подобного ритма работы уже получаешь настоящее удовольствие. А поначалу было трудновато.

Сегодня меня уже достаточно хорошо знают в разных уголках страны, появились и продолжают появляться новые контакты, разнообразные предложения, интересные концертные программы. Например, совместный проект И. Лиёпа и В. Юдашкина «Балет и мода». Это потрясающее зрелище, когда костюмы Юдашкина показывают, наряду с профессиональными манекенщицами, артисты балета. Мы ведь по-другому чувствуем костюм, не просто демонстрируя, а обыгрывая его. Публика следит за дефиле, затаив дыхание. Так что, дай Бог, чтобы все это продолжалось.

— Это все замечательно, но за плечами уже 15 лет активной танцевальной жизни, а впереди...

— Безусловно, я думаю о будущем. У меня за плечами балетмейстерский факультет ГИТИСа — так что, возможно, попытаюсь преподавать. Я всегда мечтал вернуться в училище. Оно оставалось всегда каким-то родным, со своей теплой и доброй атмосферой. И Софья Николаевна Головкина осталась той Матушкой, которая как цыплят пестует своих питомцев.

— А куда пойдет собственное дитё?

— Пока дитё просто растет, ей только семь лет, так что, куда пойдет, сказать трудно. С ней очень много занимаются бабушка и Нина. Когда Нина только родила, мы, как и большинство балетных родителей, хотели, чтобы она продолжала нашу династию.

Хочется помочь своему ребенку, уберечь от трудностей, через которые прошли сами. А сделать это можно, естественно, только в своей профессии. Пока Аня занимается художественной гимнастикой, потихоньку растягивается, скачет. А пойдет или не пойдет в балет, не знаю. Настаивать вопреки ее желанию не будем. Сейчас в балете нужно быть либо всем, либо там быть не нужно вообще. Стоять в кордебалете и получать мизерную зарплату — это морально очень тяжело именно для девочки. Мальчик может сменить профессию, заняться, например, бизнесом, а девочка, уж если полностью отдалась профессии, потом в жизни ничего не меняет. Мужчины могут и за двумя зайцами погнаться. Получится или не получится, не важно. С девочками сложнее. В общем, поживем — увидим. Анечка по натуре очень спокойная и уравновешенная. У нее не бывает бурных эмоциональных всплесков. И если открыто, мне бы хотелось, чтобы она выбрала серьезную профессию. Может быть, — иностранные языки. Девочки такие ранимые, слабые, их хочется оберегать по жизни постоянно, чтобы с ними ничего не случилось, всегда все было хорошо.

— Вижу, что Аня папина дочка?

— Нину проводит с ней больше времени, чем я, но зато у нас более дружеские отношения. Мама — это мама. Со мной все проще. Я ее больше балую, многое разрешаю из того, чего не разрешает мама. За что меня частенько поругивают. Но ведь так приятно, когда у ребенка от радости загораются глазки... Я вообще люблю делать подарки. Мне нравится, когда людям, которых я люблю, хорошо. Я сам от этого получаю удовольствие.

— В этом, похоже, секрет вашего долгого брака?

— Может быть. Мы доверяем друг другу. Оба понимаем, что

наша цель в жизни — это наш ребенок, которого очень хотели. У нас, как, впрочем, и во многих других семьях, бывает всякое. Но с годами становишься мудрее. Мы очень ругались в первые полгода брака. Страшно ссорились, уходили друг от друга, каждый старался проявить характер. Но ссора — не лучший способ самоутвердиться в семейных отношениях. Сейчас стараемся обходить подводные камни. Конечно, непросто сохранить гармонию при постоянных гастролях и у нее, и у меня. Возвращаясь из поездки, я всегда чувствую испытующий взгляд жены. Но Нина — очень умная женщина и очень сильный человек. Я постоянно ею восхищаюсь. Хорошо, когда нам удастся выезжать вместе, тогда можно отдохнуть и от театра, и от семьи. Правда, через три-четыре дня начинаем скучать по Анечке. В жизни всякое может случиться, но семья — это священо.

Мы еще долго говорили об огромной роли Нины Семизоровой в становлении Марка Перетоккина как танцовщика, о планах, о бешеном гастрольном ритме. И я подумала, что передо мной абсолютно гармоничный человек и артист, у которого даже перипетии и метаморфозы в судьбе происходят в гармонии с самим собой.

Е. ЛЕБЕДЯНСКАЯ.